

монах Фотиос
(Оле Фредерик Стьянефельт),
монастырь Святого Духа в Аттике, Греция

ИКОНЫ СДЕЛАЛИ МЕНЯ ПРАВОСЛАВНЫМ

Может быть, моя история о том, как из лютеранского пастора я стал православным монахом, покажется вам холодноватой и несколько отвлеченной. Но дело в том, что в Дании мы не подвергались таким ужасным испытаниям, какие выпали на долю России. На протяжении веков датчане жили в общем-то мирно, и поэтому мы привыкли к тишине и спокойствию.

Обновление

Датская Церковь была основана в конце IX века. В 1054 году вместе с другими западными Церквями она отделилась от Православия. А в 1536 году датский король провел церковную реформу в лютеранском духе. Последующее поколение совсем не знало о том, что разрыв двух Церквей оторвал их от подлинного христианства.

С этим незнанием рос и я сам. Еще молодым человеком я раскаялся в своем эгоцентризме и осознал необходимость веры и церковной жизни. Огромное впечатление произвел на меня образ из седьмой главы Апокалипсиса: *Вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, сто-*

яло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих и восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу! (Откр. 7:9–10). Предстояние со всеми святыми у престола Божия — ведь это цель нашей жизни!

Будучи студентом теологического факультета (с 1958 по 1966 год), я узнал о суточном круге богослужения древней Церкви, который уже в XVIII веке был полностью забыт в датской традиции. В 1959 году я ежедневно проводил суточные службы по латинскому обряду и даже перевел их на датский язык для того, чтобы мои престарелые родители могли участвовать в богослужении.

Молодым священником я вступил в небольшое братство, которое по примеру верующих других стран хотело «помочь Датской Церкви по-

Копенгаген. Рисунок Павла Кокорина

новому осознать себя Телом Христовым» — мы были частью большого движения за традиционное христианство в западноевропейских странах. Как члены этого братства мы были убеждены в «праве и обязанности принесения Святых Даров — Тела и Крови Господних — для спасения живых и мертвых». Такое выражение было несомненно католическим, но вполне совместимым с вероучением лютеранской Церкви, которая сохраняла общение со Христом через Евхаристию.

Многовековые преобразования церковной жизни привели Лютеранскую Церковь к настоящей литургической бедности. Наше братство стремилось восстановить Литургию в ее традиционной форме, с полной евхаристической молитвой.

То, что призывание Святого Духа на Литургии (эпиклеза) завершает освящение Святых Даров, я осознал довольно рано. По католическому учению освящение совершается произнесением установительных слов: «*сие есть Тело Мое*» и «*сия есть Кровь Моя*». Также рано я осознал ошибочность учения о Filioque.

Вместе с тем я выяснил, что литургическое обновление в Дании затронуло лишь немногих, как среди духовенства, так и среди светских лиц. В целом же ситуация была безотраднa. До сих пор

почти всех датских детей крестят, но в большинстве своем потом они никогда не ходят в церковь, а значит — становятся «духовными инвалидами». Духовенство увлечено современными разрушительными идеями и «теологиями» Епископы выбираются прихожанами, большинство из которых не имеет никакого понятия о церковности.

Монастырь

Мне очень нравилось традиционное латинское богослужение и я посвятил много сил публикации латинского служебника в датском переводе. Но когда я понял, что Второй Ватиканский собор внес в богослужение не только улучшения, но и бесчисленные искажения, свое внимание я обратил на древний византийский обряд. Я стал часто посещать русскую церковь святого Александра Невского в Копенгагене, в которой у меня появились православные друзья, стал читать православные духовные книги на английском и французском языках. В 1973–1976 годах я привез византийские иконы из Греции и устроил домовую церковь для совершения богослужений суточного круга. Чтобы не многословить, скажу, что это иконы сделали меня православным.

С 1973 года я начал путешествовать, но не только как турист. Я искал ответы на свои духовные вопросы, посещал монастыри, беседовал с епископами: старокатолическими, англикатолическими, римокатолическими. В 1976 году в Париже я встретился с православным епископом (позже архиепископом) Георгием (Вагнером). В конце нашей беседы он сказал: «Трудно создать что-то из ничего! Вы не должны сейчас переходить в Православие только потому, что у вас возникли трудности в лютеранстве!» Я, по-видимому, тогда еще не был православным, в какой-то степени меня привлекала и англиканская Церковь.

Мало-помалу я понял, что не только современное нарушение церковных традиций и не только Реформация, но и сам раскол 1054 года настолько изменил западные Церкви, что говорить о церковном обновлении стало практически бессмысленно. Весной 1981 года я принял окончательное решение перейти в Православие и написал об этом митрополиту Эмилиану (Тимиадису), представителю Константинопольского Патриархата в Женеве. Митрополит согласился руководить моим переходом в Православие. Однако существовали некоторые практические проблемы, которые необходимо было решить. Если бы я распрощался с моей должностью лютеранского священника и теолога, на какие средства я стал бы жить? Таким образом, последующие четыре года я оставался на своей должности, одновременно желая быть православным.

В 1984 году я взял отпуск и для окончательного решения вопроса попробовал пожить монастырской жизнью. Одиннадцать недель я провел в монастыре, потом вернулся в свой приход, проделал, быть может, самую лучшую пастырскую работу за все время моего служения, а в июле 1984 года состоялось трогательное прощание с приходом, в котором у меня до сих пор есть друзья.

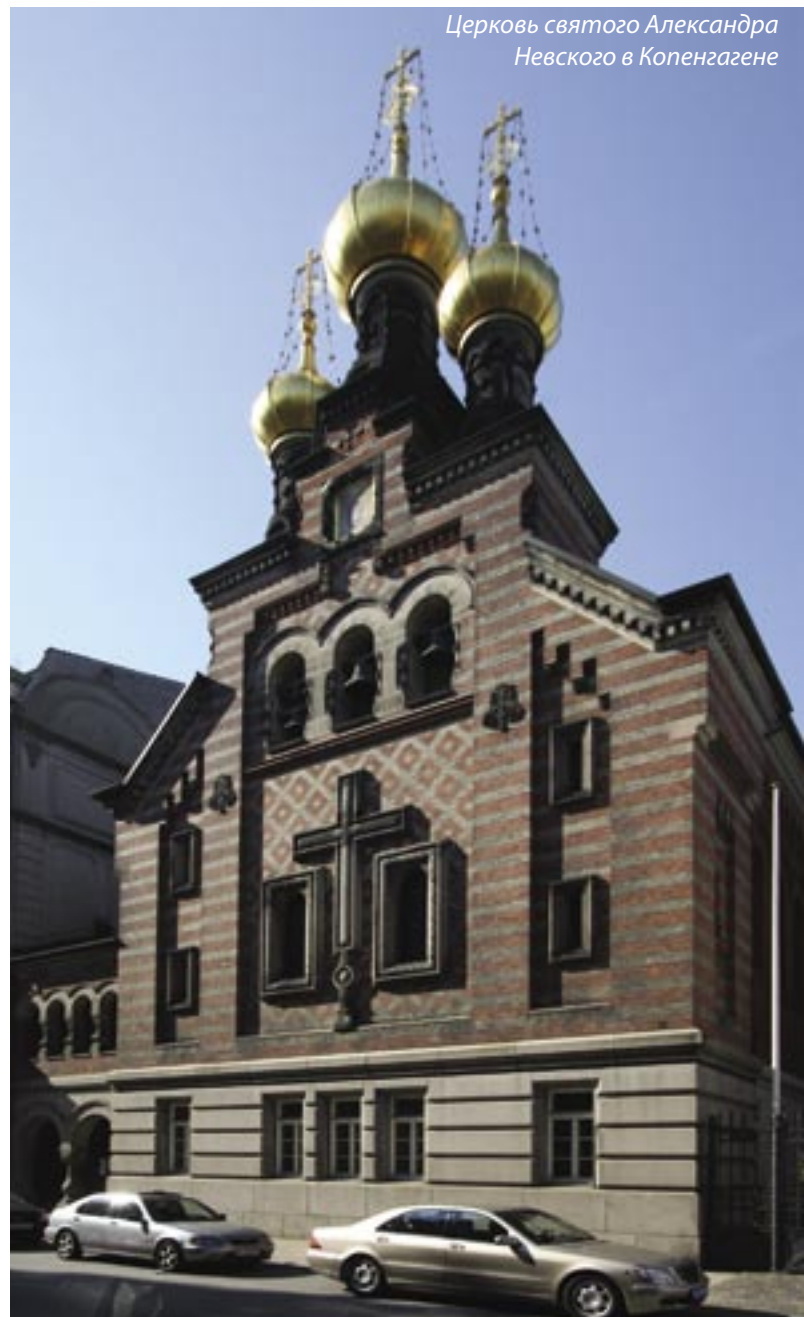
После необходимых приготовлений, в феврале 1985 года я уехал в монастырь Святого Духа, прошел курс оглашения и в 1988 году принял иноческий постриг. Я живу здесь уже 20 лет посреди духовного великолепия, которое я не создавал и в создании которого не участвовал. Я нашел истинную веру и хорошую общину, где меня приняли как брата.

Поменяв образ жизни, я все же продолжил переводческую деятельность, теперь уже с родного христианского языка — греческого — на родной датский: жития святых, богослужебные книги и тропари, которые даже на датском перекладываются на византийские церковные распевы.

* * *

Если бы я осмелился критиковать нас самих, православных христиан Западной Европы, то сказал

бы следующее: мы, православные, представляем на Западе, к сожалению, жалкое зрелище. Или мы находимся в замкнутых этнических группах, или мы ревностно ведем диалог с религиозно образованными и дипломатичными пустословами. Часто и между собой у нас нет согласия. Думаю, православная церковная миссия должна освободиться от склонности к национальному упрямству. Люди, созданные по образу и подобию Божию, как на Западе, так и во всем мире нуждаются в части общего христианского наследия. Так же нуждаюсь и я, который по милости Божией получил разрешение встать на Его церковное поприще на земле. И предвкушение величия и славы Господней является для меня лишь стадией (несмотря на все мое бессилие) на пути к цели — общности со всеми святыми, которую мы все должны достичь в Иисусе Христе, Господе нашем.

Церковь святого Александра Невского в Копенгагене